

КРЕЩЕНИЕ РУСИ И БОРЬБА КИЕВА ЗА ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Становление древнерусской государственности в IX-X вв. было длительным и многогранным. В его основе лежали мощные демографические, социально-экономические, политические, культурные процессы. Именно они послужили базой для централизации власти, объединения в единое политическое целое восточнославянских племенных конфедераций и создания единого государства Русь с центром в Киеве.

С самого начала зримой чертой этой развивающейся государственности стала борьба за отвоевание для Руси выгодных геополитических позиций своего существования, за безусловную независимость и суверенитет на международной арене, за государственный престиж и достойное место в кругу других государств Евразии. Крещение Руси на всех его этапах стало мощным рычагом в осуществлении всех этих задач, поскольку было связано с целым комплексом международных интересов как самой Руси, так и Византии, Болгарии, папского Рима и других политических партнеров Руси. Крещение Руси стало фактором не только культурно-религиозным, цивилизационным, но и фактором внешнеполитическим, который в борьбе Руси за международный суверенитет в X-XI вв. сыграл едва ли не ключевую роль.

Поначалу по этому пути упорно пошла еще языческая Русь.

Впервые мы сталкиваемся с фактом борьбы за международный престиж Руси в 839 г., когда посольство Руси отрекомендовалось в Ингельгейме, столице государства франков, как посланное от кагана Руси. Ученые неоднократно отмечали, что этот восточный титул Русь использовала вскоре после освобождения от хазарской зависимости. Новый титул

подчеркивал независимость и суверенитет по отношению к хазарам молодого государства¹.

Во время противоборства с Византией – этой тогдашней мировой державой – и последующих мирных устроений вожди варварских государств придавали важное престижное значение, подчеркивающее достоинство своего государства, личной встрече с византийскими императорами. Таково было требование аварского владыки в 617 г. к императору Ираклию, затем аварского кагана Байона к Константину V в 762 г.² Русь сразу же взяла на вооружение эту дипломатически престижную практику. Во время недельной осады русским войском Константинополя в июне 860 года вождь руссов во время переговоров о мире потребовал личной встречи с императором Михаилом III³.

И в дальнейшем русские великие князья во время мирных переговоров после военного противоборства с Византией добивались личных встреч с византийскими императорами. Так, Олег в 907 г. лично вел переговоры с императором Львом VI, а Святослав встречался на берегу Дуная с императором Иоанном Цимисхием; причем император стоял на берегу, а русский князь сидел в ладье⁴.

Шла напряженная борьба и за титулатуру – эту неотъемлемую часть внешнеполитического престижа.

Впервые титул русского властелина в международной практике определен в русско-византийском договоре 911 г., с одной стороны, как «великий князь», с другой – как «светлый князь», «светлость». Позднее Константин VII Багрянородный рекомендовал обращаться к правителям Руси, используя титул архонта как и к болгарскому царю. Однако политическая жизнь брала свое. Уже через 30 лет после похода Олега на Византию в русско-византийском договоре 944 г. титул русского правителя выглядит только так, как он был принят на Руси – «великий князь русский»⁵. Архонтиссой поначалу именовали византийцы и великую княгиню Ольгу. Однако после ее крещения она стала именоваться «дщерью» императора, ее

крестного отца, что носило уже не столько церковный, сколько светский, политический характер. Это был определенный престижный титульный ход русской стороны.

К тому же за годы 907-944 Русь добилась не только повышения титулатуры своих правителей, но и активно встроилась в систему равноправных международных отношений.

Если договор 907 года, несмотря на его чрезвычайно выгодный для Руси характер (вспомним статью о беспошлинной торговле русских купцов в Византии), носил характер императорского хрисовула – пожалования, который, видимо, вовсе не устраивал русскую сторону, то договоры 911, 944, 971 годов носили полностью равноправный обоюдovýгодный характер, несмотря на разные ситуации их породившие. Договор 911 был оформлен «не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою»⁶. Все договоры были написаны «на двою харатью», проходили равноправную процедуру утверждения.

Настоящую борьбу за достойный уровень приема в Константинополе развернула великая княгиня Ольга в 957 г. По-существу речь шла о государственном престиже страны, о ее месте в кругу окрестных государств. В течение долгих недель обсуждались эти вопросы с императорскими чиновниками. Два месяца провела Ольга на своих судах в константинопольской гавани прежде, чем все детали обоих ее приемов во дворце были урегулированы и обсуждены вопросы, связанные с крещением великой княгини.

По мнению большинства ученых, приемы Ольги императором Константином Багрянородным и его женой были совершенно беспрецедентными по своему высокому уровню. И тем не менее Ольга запомнила это бесконечное ожидание на Босфоре исхода переговоров о процедуре приемов и позднее выговорила свою обиду византийским послам в Киеве, пришедшим просить Русь о военно-союзной помощи согласно

договору 944 года: «постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду, то тогда ти дамъ»⁷.

С течением времени Русь в борьбе за государственный престиж стала использовать фактор крещения. Но если поначалу русские правители рассматривали крещение из рук византийских церковных иерархов как возвышающее и их самих и государство, которое они представляли, то позднее крещение стало рассматриваться на Руси как возможность продемонстрировать собственный выбор в этом вопросе, собственный путь приобщения к новым цивилизационным ценностям, показать свою церковно-политическую независимость. Это была длительная и трудная эволюция, она охватывала период от начала IX в. до середины 80-х гг. X века и была связана с крупными внешнеполитическими событиями этого времени, в первую очередь с отношениями с Византийской империей.

Для Византии крещение окрестных «варварских» народов, в состав которых греки включали и Русь, являлось определенным политическим рычагом, при помощи которого эти народы втягивались в орбиту не только церковного, но и политического влияния Византии. В свое время Д. Оболенский назвал такое состояние отношений империи с новообращенными народами – аланами, сербами, болгарами, Русью– «византийским содружеством наций»⁸. На каком-то этапе это, возможно, было и так. Но каждый народ, каждое государство неудержимо стремилось сломать рамки, ограничивающие его церковно-политический суверенитет, выйти на путь независимого суверенного развития. С переменным успехом это делали болгары, сербы. Со временем на этот путь встала и Русь.

Для Руси этот процесс взял начало во время первого известного нам обращения в христианство русского вождя в начале IX в. после захвата византийского города Сурожа на Крымском побережье. Это событие произошло на периферии византийского мира. Крестил русса сурожский архиепископ Филарет. Само крещение стало частью мирного соглашения, завершившего нападение руссов на Сурож. Крещение русского вождя

высшим местным христианским иерархом, несомненно, рассматривалось победителями как определенная церковно-политическая привилегия. В обмен руссы отпустили пленных, вернули награбленную, в том числе и в храмах, добычу, покинули город.

Затем последовали события 860 года. И вновь крещение победоносной Руси стало знаком ее приобщения к новой цивилизации, несмотря на возникновение определенной церковно-политической зависимости от империи. Русь в ходе осады Константинополя, перемирия и последующего договора «мира и любви», заключенного в ходе позднейших посольских переговоров, добилась для себя немало: Русь была официально признана Византией; греки, кроме выплаты контрибуции, обязались выплачивать Руси ежегодную дань, Русь стала военно-союзным государством империи. Наконец, Русь по договору с Византией согласилась на крещение, приняла «пастыря», как свидетельствуют византийские источники, и заняла в списке византийских епархий место под номером 61. Патриарх Фотий, осуществивший обращение Руси, писал в «Окружном послании» в 867 г. восточным архиепископам, что руссы «променяли эллинскую и безбожную веру... на чистое христианское учение, вошедши в число подданных нам и друзей»⁹. Это сообщение вызвало в историографии дискуссию, в ходе которой большинство ученых склонились к той точке зрения, что речь в нем идет о церковной, но не политической зависимости Руси от Византии по аналогии с обращением в христианство Болгарии в 864 году.

Княгиня Ольга в 957 г., согласно русской летописи, считала для себя почетным делом принять крещение из рук высшего иерарха греческой церкви – константинопольского патриарха при участии в крещении императора Константина VII.

И тем не менее в договоре между Русью и Византией, заключенном после войны 860 года, мы видим стремление и Руси, и Византии использовать крещение в своих интересах. Русь получала выгодные условия отношений с великой империей и к тому же благодаря крещению получала

доступ в круг цивилизованных христианских государств. Византия, признавая свою данническую зависимость, что было для империи делом обыденным в отношениях с воинственными «варварами», одновременно получала мощный духовный патронат над новообращенным государством.

Что касается обращения Руси в христианство при Владимире, то оно имело принципиально совершенно другой характер.

В ходе бурных международных событий в 985-989 гг., активным участником которых стала Русь, древнерусское государство вступило, на сей раз уже бесповоротно, в круг христианских государств. Принятие христианства на Руси стало свободным волеизъявлением ее властей. Оно было полностью независимым от какого бы то ни было иноземного государства и ни в малейшей степени не ущемляло ни церковный, как в 860 г., ни политический суверенитет Руси. В то же время оно престижно возвышало Русь и его правителя среди других государств и народов Евразии и давало мощный импульс цивилизационному развитию страны.

И добился этого Владимир Святославич единственно для того времени правильными, логически оправданными и в то же время простыми политическими решениями, в значительной степени используя и личностный фактор.

Какие же обстоятельства сопутствовали этому событию, к которому Русь подступала уже не в первый раз?

Во-первых, следует отметить, что идея о приобщении Руси к кругу христианских государств, судя по летописным данным, вызрела у древнерусской верхушки уже в пору стабилизации положения на Руси после междоусобицы рубежа 80-х гг. IX в., а также после нового объединения русских земель под властью Киева, нарушенного междоусобицей. За этим последовал ряд победоносных походов против соседей Руси – против Польши с захватом червенских городов, ятвягов¹⁰, и были укреплены ее геополитические позиции. Интерес к Балканам, к овладению Подунавьем, вызревание потенциальных угроз как крымским владением Византии, так и

самой столице империи появлялись традиционно в пору усиления Руси, укрепления ее внутреннего и международного положения. Именно такой период наступил на Руси к середине 80-х гг. IX в. Исторически логичным в этой ситуации и стали подступы киевского правителя к отказу от архаического язычества и принятию монотеистической религии, которую (одни – христианство, другие – мусульманство) стали исповедовать большинство государств Европы и Передней Азии. Так называемые «посольства о вере» ярко высвечивают эту тенденцию. Конечно, в них отражены и некоторые мифологические черты, и желание летописца подчеркнуть независимый выбор Русью новой религии, но одновременно в летописных данных присутствуют черты реальных посольских переговоров, посольского церемониала, приемов и отпусков послов, которые произвольно попали на страницы летописи. Посольства состоялись. Во время их осуществления затрагивались и вопросы обращения Руси в новую веру. Они, как неоднократно отмечалось исследователями, носили и чисто политический характер с учетом того, что свой исторический выбор относительно принятия христианства по византийскому образцу, Русь уже сделала, и теперь необходимо было политически и, говоря современным языком, все это пропагандистски обустроить. Этим, собственно, не торопясь, и занимался Владимир Святославич. Мы не видим в источниках следов какой бы то ни было связи этих неторопливых подступов к новой вере и событий, развернувшихся стремительно с 985 по 989 годы.

Можно сказать, что Владимир Святославич совершенно гениально использовал эти события для решения кардинальных политических вопросов в своих отношениях с Византией, в том числе и в части принятия христианства по византийскому образцу.

В 985 г. был предпринят поход против дунайской Болгарии, который завершился победой Руси и заключением «вечного» мира¹¹.

По существу Владимир продолжил в отношении Болгарии линию своего отца, Святослава, стремившегося сделать Болгарию прочным

союзником в постоянном противоборстве с Византией за овладение Северным Причерноморьем, дунайским устьем, Крымом.

А уже в 986 г., судя по арабским источникам и данным византийского хрониста Льва Диакона, Русь в качестве союзника Болгарии помогла ей одержать блистательную победу над войском византийского императора Василия II около Порты Траяна в августе 986 г.¹² Это был типичный политический поворот в духе Святослава.

А далее события развивались катастрофически для правящего дома Византии. Одновременно в Малой Азии вспыхнул мятеж одного из крупных византийских военачальников Варды Склира. Вслед за поражением от болгар последовала угроза нападения со стороны египетского халифа, а затем известный полководец, доместик Востока Варда Фока, посланный на усмирение В. Склира, сам поднял мятеж против Константинопольской власти и 15 августа 987 г. провозгласил себя императором. Его войска двинулись на столицу империи.

В этот момент как раз и произошел новый поворот в политике Руси. Находящийся в критическом положении император Василий II обращается к своему противнику Владимиру с просьбой о заключении мирного соглашения и о союзной помощи в борьбе с внутренними мятежниками. Летом или ранней осенью византийское посольство было уже в Киеве. К концу 987 г. оно возвратилось в Константинополь с ответом Владимира. Византийские, арабские и армянские источники дружно сообщают смысл этого ответа: Русь готова оказать империи союзную помощь и послать в Константинополь военный корпус, но Владимир требовал от императора Василия II руки его сестры – багрянородной принцессы Анны. В свою очередь греки получили согласие Владимира на обращение в христианство¹³.

Итак, на первый план в новом русском византийском договоре вышел вопрос о династическом браке. Владимир затронул «святая святых» византийской политической религии – категорический запрет на всякого рода родство с «варварами». В свое время Константин VII в сочинении «Об

управлении империей», адресованной сыну Роману, с раздражением писал о желании «варваров» породниться с императорским домом, получить из Константинополя разного рода почетные инсигнии. Империя свято блюла это правило, лишь иногда в критических обстоятельствах отступая от этого принципа.

До событий 80-х годов Русь единожды попыталась добиться династического брака с византийским правящим домом. Во время своего визита в Константинополь княгиня Ольга, видимо, ставила вопрос о браке молодого Святослава, который, вероятно, инкогнито скрывался в составе посольства под именем Анепсия и получал после Ольги самое богатое посольское содержание, в обмен на союзную помощь. Но тщетно. Константин VII в этом вопросе был неколебим, что также вызвало раздражение Ольги.

Теперь Владимир требовал руки не просто 24-летней византийской принцессы. Анна была родной сестрой германской императрицы Феофано, матери будущего императора Оттона III. Подобный уровень династического родства выводил Русь на одно из почетных политических мест в системе правящих домов Евразии. Условия о крещении русского великого князя в этом историческом контексте занимало второстепенное и сугубо подчиненное значение. Не случайно византийские хронисты Сколица, Зонара, Кедран, сообщая о союзном договоре Руси с Византией, умалчивают об условии крещения русского правителя, а арабские источники ставят это условие в зависимое положение от главного – договора о свойстве византийского правящего дома с русским правителем¹⁴.

Этот договор имел далеко идущие последствия. Русский 6-тысячный корпус весной 988 г. был направлен в Византию и принял участие в двух сражениях с войсками Варды Фока, сыграв решающую роль в победе Василия II. Русский источник XI в. (Иаков Мних в «Памяти и похвале Владимиру»¹⁵) сообщает, что в 987 г. Владимир принял крещение. Причем, в источнике нет ни звука о крещении семьи великого князя, ближайшего

окружения, дружины. Судя по всему, это было индивидуальное крещение русского правителя, как это не раз случалось в европейских странах. Поскольку налицо была тайная дипломатическая договоренность, русский автор в отличие от более осведомленных византийских и арабских авторов не усмотрел связи между посылкой русского корпуса в Византию и договором о свойстве и крещении Владимира. Иаков Мних очень коротко сообщил о факте принятия великим князем крещения в 987 г. и кроме того поведал, что на другой год после крещения Владимир «къ порогам ходи». Эта реплика монаха Иакова вызвала в историографии целую дискуссию: одни ученые считали, что Владимир проводил свой корпус в Византию (А.В. Карташев), другие полагали, что он сам двинулся на Балканы с этим корпусом (Н.Баумгартен). Но, думаю, что правы те, кто рассматривал вояж Владимира к порогам как возможность встретить обещанную ему багрянородную невесту и доставить ее под охраной в Киев. Любопытно, что в истории Руси позднее уже встречался подобный случай, когда в 1153 г. князь Мстислав, сын великого князя Изяслава Мстиславича и внук Владимира Мономаха, ходил к порогам встречать свою невесту княжну абазинскую¹⁶.

Однако поездка Владимира на юг оказалась тщетной. Анна на порогах не появилась. Византийская сторона не выполнила условие договора, так как мятеж В. Фоки был подавлен, с Египтом был заключен мир, болгары оказались без русской поддержки, и опасность для империи миновала. Теперь можно было вспомнить и о предостережениях Константина VII относительно династических браков с «варварами».

Русского автора XI в. несомненно смутили сведения о повторном крещении Владимира в захваченном Херсонесе и он обошел вопрос об этом повторном крещении стороной. Автор «Повести временных лет» также обсуждает вопрос о том, где крестился Владимир – в Херсонесе, Василеве, Киеве – и подробно рассказывает о крещении Владимира в Херсонесе, относящимся к лету – осени 989 г. Большинство ученых также ищет дату и место крещения русского великого князя где-то в одном месте. Между тем,

альтернативы здесь не было. Владимир согласно русским источникам XI в. принял индивидуальное крещение в 987 г. действительно либо в Киеве, либо в Василеве. И большинство современных исследователей считает вполне достоверным это сообщение (Водофф, Прицак и другие).

Но на этом история крещения Владимира для них и заканчивается. Между тем, этим фактом она в реальности только начиналась.

История обращения в христианство стран и народов во второй половине 1 тыс. н. э. была делом длительным, противоречивым, полным сложнейших исторических катаклизмов, вызванных как внутривполитическими, так и внешнеполитическими обстоятельствами. Для многих правителей того времени принятие крещения становилось хрупким делом, опутанным многими ситуационными обстоятельствами. И позднейшие оценки крещения церковными авторами (а других в то время просто не было) во многом были продиктованы уже тем позднейшим временем, когда христианство прочно укоренилось в большинстве стран Европы и требовало определенных идеологических обоснований, как и религиозной идеализации личности правителей, ставших первопроходцами крещений.

Так хорошо известно, что в условиях борьбы за личную власть правители английских королевств, Швеции, Норвегии и ряда других стран после обращения в христианство были вынуждены идти на компромиссы с язычеством и даже отказывались от крещения с тем, чтобы потом вновь обратиться в христианство. Думаю, Русь не была здесь исключением. Достаточно вспомнить реставрацию язычества после первого обращения русской верхушки в 60-е гг. IX в. при князе Аскольде.

Владимир столкнулся с другой ситуацией. Его крещение было зачеркнуто политическими расчетами византийской стороны, политическим обманом. И в этих условиях он мог отказаться от выполнения своей части договора. Его индивидуальное крещение в Киеве или Василеве оказалось политическим эпизодом, о чем Константинополь был извещен, поскольку

новые переговоры о появлении Анны на Руси (в данном случае в завоеванном Херсонесе в 989 г.) вновь были обусловлены крещением Владимира. Но на этот раз Владимир хотел твердых гарантий, что Анна станет его супругой. Он согласился принять крещение, но с условием, что крестят его церковные иерархи, которые придут в Херсонес с «царицей», т.е. с Анной: «Да пришедше съ сестрою вашею крестят мя». Это был прямой отзвук событий 987 г. и бесполезного похода к порогам. Эта мысль примерно в одних и тех же словах представлена во всех основных русских летописных сводах, подробно касающихся этого сюжета¹⁷.

События 988 года резко изменили обстановку. Они дали Владимиру блестящую возможность усилить свои внешнеполитические позиции в отношениях с Византией. Теперь вслед за феноменальным для Руси династическим брачным союзом у русского великого князя появилась возможность в ходе крещения, если брачный союз все-таки будет осуществлен, продиктовать свою волю относительно статуса русской церкви, как это в свое время сделала Болгария, добившись, уже после крещения под военным давлением Византии, автокефалии своей церковной организации во главе с архиепископом.

Как раз об этом говорят последующие события.

Весной 989 г. русская рать во главе с самим великим князем двинулась на Херсонес, который был захвачен на исходе лета или в начале осени 989 г. Одновременно болгары начали наступление на границы империи и овладели византийской крепостью Веррией. Исследователи считают, что болгары начали военные действия не без новой договоренности с русским великим князем. Под угрозой оказался второй город империи – Салоники. Ожили и мятежники внутри империи – последователи В. Фоки. Положение империи вновь осложнилось.

Теперь из захваченного Херсонеса в Константинополь, согласно «Повести временных лет» последовало требование прислать Анну, иначе русская рать двинется на столицу империи¹⁸.

В ходе посольских переговоров греки подтвердили готовность прислать Анну, но с условием крещения Владимира.

Иаков Мних, сообщивший о крещении Владимира в 987 г., также сообщает, что на первый план вновь вышел вопрос о династическом браке: «И посла къ ним Володимеръ, прося у них сестры оженитися, да ся бы болма на крестьянский законъ направиль»¹⁹. Это означало, что уже крестившийся ранее Владимир ставил целью благодаря новым церковным контактам с Византией укрепить христианство на Руси. Стороны возвращались к условиям договора 987 г. Но как отличались они теперь по степени их выполнения. Владимир диктовал свою волю. Его пребывание в Херсонесе подтвердило это преимущественное положение русской стороны.

Владимир вел себя в Херсонесе по-хозяйски. После прибытия византийской принцессы и крещения (на этот раз с Владимиром крестились и «мнози» члены дружины) Владимир собрался в обратный путь. Он уводил с собой часть херсонесского клира, среди которого было немало выходцев из числа окрестных народов. «Корсунские попы» уже давно проявляли свои автокефальные тенденции и теперь они уходили из Крыма на новую родину, где могли обрести ту самую полноценную церковную независимость от патриархии, которой им не хватало в Херсонесе. Он забрал из храмов иконы, церковную утварь, кресты, а также мощи святых Климента и Фива. Прихватил Владимир и две медных статуи «идолов» и четырех медных коней, которых позднее водворил в Киеве.

По возвращении в Киев Владимир при помощи херсонесских священников и «царицыных попов» крестил киевлян и начал обустройство русской церкви на принципах кирилло-мефодиевских традиций, то есть организовал службу ни на латыни, ни на греческом языке, а на славянском.

Но это было лишь начало устройства формирующейся русской церковной организации на иных принципах нежели в Византии. Затем последовали другие новации. Владимир и сформировавшийся вокруг него в Херсонесе церковный синклит приняли во время пребывания великого князя

в поверженном Херсонесе римское посольство с мощами римских святых²⁰. В условиях церковного противоборства Рима и Византии это было дерзким, неслыханным делом. На территории византийской империи появились папские легаты. Позднее, в 90-е и 1000-е гг. послы римского папы неоднократно приходили в Киев, а русское посольство побывало в Риме. Таким образом, с первых своих шагов русская церковь позиционировала себя открытой всему христианскому миру, демонстрировала не только свою независимость от константинопольской патриархии, но и свои экуменические принципы.

По прибытии в Киев Владимир вскоре заложил русскую кафедральную церковь Святой Богородицы или Десятинную церковь, названную так в связи с отчислением в ее пользу десятины – десятой части доходов, как говорил Владимир, «от имения моего и отъ градъ моихъ». Это была чисто западная традиция; практиковалась она и у языческих княжеств южно-балтийских славян. Это также указывает на церковный универсализм новообращенной Руси. А в том, что это был действительно кафедральный храм, сомневаться не приходится. Церковь Святой Богородицы, ставшая самым грандиозным церковным сооружением Руси, совмещала в своих стенах и религиозные реликвии, переданные туда Владимиром, и колоссальные материальные богатства. В одной из русских летописей эта церковь называется «превизоданной»²¹. Таковой она оставалась в течение почти пятидесяти лет, когда в 1037 г. Ярослав Владимирович заложил новую «митрополью» – церковь Святой Софии²².

Владимир и русские церковные иерархи проявляли безусловную веротерпимость и в матримониальных делах. Известно, что женой старшего приемного сына великого князя Владимира – Святополка была Болеславна, дочь польского короля Болеслава Храброго, которая появилась в Киеве в сопровождении епископа Колобжегского Рейнберна. Второй христианской женой Владимира после смерти великой княгини Анны в 1011 г. стала внучка императора Генриха II, дочь немецкого графа Куно фон Эннингена²³. При

киевском дворе эти владетельные особы, сформировавшиеся в рамках римской церковной традиции, воспринимались на равных с новообращенными по византийскому образцу русскими христианами.

С первых шагов своей жизни русская церковь с одинаковым пиететом воспринимала святых основных христианских направлений – византийского, римского, болгарского. Для Киева христианский мир был един.

А.В. Головки совершенно справедливо, на мой взгляд, считал, что кирилло-мефодиевская традиция, принятая Владимиром, дополняемая активным участием в христианизации Руси херсонесского, прорусски настроенного клира, говорили о том, что Владимир взял твердый курс на независимость русской церковной организации от константинопольского патриархата, а значит и от политического влияния Византийской империи²⁴.

Думаю, что эту мысль необходимо дополнить более широким обобщением по поводу того, что эта независимость обращалась ко всем ветвям мирового христианства. Но одновременно она определяла своеобразную позицию Руси в тогдашнем уже фактически разделенном христианском мире. На это в последнее время обратил внимание Х. Раффенспергер в своей монографии о Киевской Руси в средневековом мире и его рецензент С. Франклин. Оба автора выступают против того, что тогдашний мир был биполярен – латинский и греческий, римский и византийский, папский и патриарший – и принимают на научное вооружение новое понятие – «Micro-Christendom», т.е. «микрохристианство». Русь была носителем принципов этого отдельного христианского мира, поддерживая отношения со всеми ветвями христианства²⁵.

В свете этих фактов длительная дискуссия о привязанности русской новообращенной церкви то ли к Византийскому патриархату, то ли к папскому Риму, то ли к болгарской церкви представляется неактуальной, как и точка зрения об автокефалии русской церкви. Это был совершенно новый тип церковного устройства, восходящий своими истоками к древностям единого и неразделимого христианства.

В то же время такая позиция объективно утверждала церковно-политический суверенитет Киева в тогдашнем христианском мире.

Но кроме вопроса об организационных связях русской церкви до сих пор остается неясным, и вопрос о том, кто же возглавлял эту церковь в Киеве. Здесь летописцы допускают такую разноголосицу, такие умолчания, приводят столько недостоверных сведений, что это с полным основанием дало право еще в начале 30-х гг. XX в. известному исследователю истории обращения Руси в христианство Н. Баумгартену написать: «Очевидно стремление уничтожить всякий след существования киевского архиепископа до установления византийской резиденции митрополита в Киеве в 1037-1038 гг.»²⁶.

Вопрос о первом русском высшем церковном иерархе, несмотря на обширную литературу, посвященную этой теме, до сих пор остается тайной за семью печатями.

В этой связи, на мой взгляд, необходимо коснуться мощной, противоречивой и таинственной фигуры периода правления Владимира – Анастаса, сдавшего Херсонес руссам. Впервые он упоминается в «Повести временных лет» как «мужь корсунянинь» «имянемъ Настась». Именно по его наущению была послана стрела в лагерь руссов с сообщением о том, где нужно перекопать водопровод, чтобы обезводить город. Потом мы встречаем Анастаса уже во время отъезда Владимира из Херсонеса. Его имя стоит вторым после великой княгини Анны: «поемь (т.е. взял – А.С.) царицу, и Настаса, и попы корсуньские». Следующие сведения об Анастасе касаются его связи с кафедральным собором – Десятинной церковью. Под 989 г. Повесть временных лет сообщает, что Владимир заложил церковь Святой Богородицы, пригласив для ее постройки греческих мастеров. По окончании строительства он передал во вновь выстроенный храм иконы, сосуды, кресты – и «все» вывезенное из Херсонеса и поручил храм в ведение Анастаса («и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити в ней»²⁷). Под 996 г. летопись сообщает, что Владимир установил отчисление

в пользу этой церкви десятую часть доходов – так называемую десятину. И вновь здесь появляется Анастас: «И вдасть десятину Настасу Корсунянину»²⁸.

Но самое любопытное упоминание летописи об Анастасе относится к периоду уже после смерти Владимира, к 1018 г., ко времени захвата Киева польским королем Болеславом I в период русской междоусобицы 1015-1019 гг. между Ярославом и Святополком и уходом короля из Киева в связи с выступлением горожан против оккупантов. Болеслав покинул город «възма именье и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиннаго ко именью, бе бо ся ему ввериль лестью»²⁹. Таков был конец Анастаса. Он поддержав поначалу Святополка Окаянного, затем вошел в доверие к королю Болеславу и оставил Киев вместе с ним, взяв с собой все ценности не только Десятинной церкви, но и обеспечив вывоз всего награбленного Болеславом в Киеве имущества.

Но и это не все. С этими сведениями «Повести временных лет» перекликаются данные, приведенные в хронике немецкого епископа Титмара Мерзебургского, на что до сих пор не обращалось внимания. Титмар сообщает, что во время вступления в Киев короля приветствовали знатные горожане и среди них глава русской церкви – местный архиепископ. Более того, во время пребывания поляков в Киеве глава русской церкви был послан Болеславом в Новгород к Ярославу на переговоры по поводу возвращения Болеславу его дочери, жены Святополка, оказавшейся в руках Ярослава. В обмен король обещал вернуть Ярославу его жену и сестер, в том числе Предславу. Все они оказались в Киеве в руках Болеслава. Причем Предслава, на руку которой Болеслав безуспешно претендовал до начала войны, была королем обещана. Переговоры оказались безрезультатными³⁰.

Но возникает естественный вопрос – а об одном ли том человеке идет речь – ведь Титмар говорит об архиепископе Киева, между тем как летопись имеет в виду просто Анастаса Корсунянина, не связывая эту фигуру с каким-либо духовным саном. Собственно, в этом и заключается основная загвоздка.

В том, что Титмар мог ошибиться в определении сана главы русской церкви в Киеве, приходится сомневаться. Он сам был епископом и прекрасно знал разницу между архиепископом и митрополитом. Поэтому попытки некоторых авторов «поправить» Титмара и определить церковного иерарха, встречавшего Болеслава и выполнявшего его деликатное поручение как митрополита Иоанна, присланного в Киев из Константинополя, совершенно неубедительны³¹.

Весьма сомнительно также, чтобы представитель византийской церкви состоял в таком тесном контакте с поляками, принадлежащими к враждебному патриархату крылу христианства. Это мог быть иерарх, находящийся совсем в ином конфессиональном измерении, безразличный к острейшим религиозным распрям между Римом и Константинополем.

Необходимо обратить внимание на общность некоторых характеристик Анастаса в русской летописи и киевского архиепископа у Титмара.

Повесть временных лет сообщает, что Владимир «поемь», т.е. взял из Херсонеса вместе с Анной «и Настаса и попы корсуньски, с мощми святого Климента и Фифа», а также церковные сосуды и иконы. Затем, говоря о постройке Десятинной церкви, летописец вновь объединяет Анастаса и «ту все», что было взято в Херсонесе и теперь передавалось в новый храм³². Титмар, рассказывая о встрече Болеслава в Киеве, сообщает, что архиепископ вышел к нему навстречу «с мощами святых и прочими различными украшениями»³³. Наконец, Титмар, русская летопись, а также Галл Аноним, рассказывая об уходе Болеслава из Киева, говорят о вывезенных им богатствах³⁴. Русский летописец непосредственно связывает эти похищенные «именья» с именем Анастаса. А.Б. Головкин называет при этом Анастаса просто «ктитором» Десятинной церкви, лицом не церковным³⁵. Мирским человеком считает Анастаса и А.В. Гадло³⁶.

Но так ли было в реальности? И не пошли ли эти и другие авторы за летописью, которая постоянно квалифицирует Анастаса лишь как «курсунянина»? По-моему это и произошло. Думаю, что здесь стоит

прислушаться к словам Н. Баумгартена о том, что русские летописцы пытались всеми силами замолчать первого русского церковного иерарха, вычеркнуть из анналов истории.

И все же Анастас оказался в русской церковной истории настолько заметной личностью, что полностью скрыть следы его высокой церковной деятельности летописям (в первую очередь Повести временных лет и Никоновской) не удалось. Все данные, приводимые Несторовой летописью на его счет, говорят о том, что Анастас Корсунянин и архиепископ Киева – это одно и то же лицо.

После падения Херсонеса Анастас постоянно рядом с Владимиром. Но не в одиночестве, а с сонмом «корсунских попов». По существу он возглавил антивизантийскую «партию» херсонесского клира, которая оказалась первым строителем организации русской церкви и о которой многократно писали российские и зарубежные ученые. А.В. Гадло, говоря о переехавшем на Русь части херсонесского клира, подчеркивает особое, независимое положение херсонесской церкви, представителями которой были «корсунский попы», и то особое значение, которое они заняли на Руси³⁷.

Все функциональные действия Анастаса показывают, что он являлся частью этого клира. Он постоянно упоминается рядом с «корсунскими попами». По существу слова об Анастасе, действующим постоянно вместе с «корсунскими попами» становятся определенной формулой, характеризующей действия херсонесского клира. В Херсонесе безымянный «корсунский епископ» вместе с «корсунскими попами» провел обряд крещения русского великого князя. После крещения он научал Владимира истинной вере. Кто это был? В ряде позднейших источников (переделки пространного жития Владимира) Анастас назван херсонесским епископом³⁸, который после крещения Владимира вместе с Анной, корсунскими священниками и дьяконами двинулся в Киев. Именно Анастас и «корсунские попы» везли мощи святых Климента и Фива в Киев, а также иконы, кресты, сосуды.

В Киеве ему и «корсунским попам» была поручена заложенная в 989 г. Десятинная церковь – русский кафедральный собор. После крещения киевлян согласно Никоновской летописи Анастас с Добрыней, митрополитом и епископами был послан в Новгород, крестил там людей, ставил церкви. Оставив в Новгороде епископом «корсунянина» Иоакима в качестве главы местной церкви, Анастас двинулся вместе с другими крестителями в Ростовскую землю с теми же целями³⁹.

Любопытно, что ранние источники молчат о церковной принадлежности Анастаса. Зато более поздние называют его иереем, епископом. Думаю, что в некоторых более поздних источниках утратилось или позабылось ощущение касательно действий Анастаса в период княжеских междоусобиц. В ранних же свидетельствах (XI – начало XII вв.) все это было еще свежо и не позволяло летописцам и автору «Похвалы» причислять Анастаса к церковному клиру.

В 996 г. именно Анастасу было поручено руководство построенным кафедральным собором – церковью Святой Богородицы и все его финансовое обеспечение путем десятины. Вплоть до смерти Владимира, судя по данным Титмара, Анастас – архиепископ Киева оставался первым лицом русской церкви.

Но как быть со сведениями, содержащимися в Новгородской I летописи, Никоновской летописи о просьбе Владимира в Константинополь прислать митрополита и епископов и о прибытии на Русь первого митрополита Михаила с четырьмя епископами, которые и возглавили первые русские епархии в 991 г.?

Эти сведения выглядят недостоверными по ряду причин. Оказывается Владимир обратился с этой просьбой к патриарху Фотию, который, как известно, умер за сто лет до этих событий, а в конце 80-х – начале 90-х гг. X в. патриарший престол в Константинополе занимал Николай Хрисаверг. Никоновская летопись настаивает на том, что просьба эта поступила от Владимира тогда, когда он находился в Херсонесе и туда же якобы прибыл

митрополит Михаил, что не укладывается ни в какие временные рамки. Из Херсонеса Владимир с присланным митрополитом, Анной, Анастасом и «царицыными» и херсонесскими священниками двинулся обратно в Киев. «И даде Анастаса отцу своему Митрополиту Михаилу» – подчеркивается в летописи.

Эти сведения полностью противоречат данным Несторовой летописи и преднамеренно на первый план выдвигают в противовес Анастасу и херсонесскому клиру византийского ставленника. Эта линия навязчиво проходит в Никоновской летописи и далее. Второму митрополиту Леону, а не Анастасу передается в управление Десятинная церковь.

Согласно Никоновской летописи именно Михаил крестил киевлян, а затем новгородцев и ростовчан. Правда, Анастас здесь упоминается на втором плане⁴⁰. Все эти ухищрения, замалчивание имени Анастаса лишь подчеркивают нежелание церковников сказать правду об этой незаурядной фигуре и дополнительно высвечивают ее роль в истории Руси.

Если мы отбросим назойливую фальсификацию Никоновской летописи относительно скоропалительного появления митрополита Михаила в Херсонесе и его выдвижение на первый план в церковной политике Владимира Святославича, то в реальности останется лишь действительная просьба Владимира в Константинополь о присылке дополнительных церковных кадров для обращения всей Руси в христианство и организации службы в запланированных к постройке храмах.

Возможно даже, что среди присланных церковных иерархов был и митрополит. Возможно, что это был и Михаил (по одним данным иерарх сирийского происхождения, по другим – болгарского). Но все это не противоречит тому, что во главе русской церкви стоял мощный клан «курсунцев» с архиепископом Анастасом, которые демонстрировали свою реальную независимость по отношению к константинопольской патриархии. Полезную связь с Константинополем осуществляли, возможно, митрополит и прибывший на помощь курсунскому клиру греческий епископат,

направленный в учрежденные на Руси епархии. Но никакого реального влияния на церковно-политические дела они не имели. Для этих целей рядом с Владимиром стояли совсем другие люди.

Но кто мог рукоположить Анастаса в архиепископы? Это могли сделать папские легаты, посещавшие Херсонес и Русь, или высокие представители болгарской церкви. Кстати, это посвящение Анастаса в высокий церковный сан мог провести и представитель константинопольского патриархата, с которым у Киева сохранялись постоянные контакты. Именно «курсунцы» осуществляли широкую по сути своей экуменическую политику молодой русской церкви, занимающей в течение долгих лет особую позицию в христианском мире. Здесь находилось равное место и папскому Риму, и византийскому патриархату, и болгарской охридской церкви. Владимир рассматривал русское христианство не как изолированную часть конфессии привязанной к византийской *alma mater*, а как составную и органическую часть мировой религии. Это независимая позиция содействовала и укреплению политического суверенитета государства Русь.

Архиепископ Анастас и «курсунская партия» не только заложили на Руси под руководством Владимира прочную антивизантийскую традицию, которая сохранилась и после бегства Анастаса в Польшу, но и стремились позиционировать Русь как реальное независимое, открытое всем христианским ветвям государство. Эта линия проявила себя позднее в поставлении на митрополичий пост русина Иллариона, в 1051 г., прозвучала в его сочинении «Слово о законе и благодати», в трудах Иакова Мниха, Нестора, где подчеркивалась независимость решений Владимира о крещении и обращении Руси в христианство, а сам Владимир сравнивался с апостолами.

Однако все это совершалось уже без упоминания одного из ведущих архитекторов строительства суверенной русской церкви – архиепископа Анастаса. Выступив в междоусобной борьбе 1018-1019 гг. на стороне Святополка Окаянного, который был обвинен в убийстве Бориса и Глеба,

став открытым врагом будущего великого князя Ярослава Владимировича, наконец, связав свою судьбу с поляками и непосредственно с врагом Руси Болеславом Храбрым, Анастас обрек себя на забвение в качестве долголетнего лидера русской церкви. Летописцы тщательно затушевывали его роль в крещении Руси, организации русской церкви, замалчивали его деяния, а там, где его приходилось упоминать, то намеренно стремились отделить этого церковного иерарха от церкви.

Тогда еще русская церковь не знала практики предания отступников анафеме. Но печать этой невысказанной анафемы явно лежит на исторической биографии первого главы русской церкви – архиепископа Анастаса.

В 1037 г. Ярослав Мудрый заложил церковь Святой Софии, «митрополью», а в 1039 г. грек митрополит Феопемпт освятил старую Десятинную церковь – храм Святой Богородицы⁴¹. Тем самым анастасова скверна с нее была снята. Последние следы деятельности Анастаса в этом первом русском кафедральном соборе были стерты.

=====

Доложено на конференции Сахаров А.Н. Крещение Руси и борьба Киева за церковно-политический суверенитет // "Владимир Святой и Крещение Руси". Международная научная конференция. Киев. 26-27 июля 2013 г. / Под ред. акад. НАН Украины П.П. Толочко.: АДЕФ-Украина, 2014. С. 30-56.

Публикуется по представлению автора

¹ Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. «Вопросы истории», 1991. № 2-3. С. 8-9.

² Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565-1453. 1 Teil: Regesten von 565-1025. München und Berlin. 1924, № 36, 171, 220.

³ «Слово на положение ризы Богородицы во Влахернах». «Византийский временник». Т. II. СПб., 1895. С. 593-594.

⁴ «Повесть временных лет». СПб., 1996. (далее: ПВЛ). С. 17; Leonis Diaconi caloënsis Historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 157.

-
- ⁵ ПВЛ. , с. 18, 23-24.,
- ⁶ Там же, с. 18.
- ⁷ Там же, с.30 .
- ⁸ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500-1453. London. 1971. P, 184.
- ⁹ Patrologiae cursus Completus. Series graeca, t.102. J.-P. Migne. Paris, 1860. P. 735-738.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 40-41.
- ¹¹ ПВЛ, с. 39.
- ¹² См.: «Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон В.А. Розен». СПб. 1883. С.23.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Яхья Антиохийский так и пишет: «договор о свойстве» (В.А. Розен. Указ. соч., с. 23).
- ¹⁵ «Память и похвала Владимиру монаха Иакова». В кн. «Голубинский Е.Е. История русской церкви». Т. I, ч. 1. СПб. 1901, с. 238.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. С. 341.
- ¹⁷ ПВЛ, с. 50; Новгородская Первая летопись младшего извода, ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 151, Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. IX, с. 54.).
- ¹⁸ ПВЛ, с. 50.
- ¹⁹ «Память и похвала Владимиру...». С. 238.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. IX, с. 57.
- ²¹ ПСРЛ. Т. XV («Рогожский летописец»). М., 2000. Стб. 16.)
- ²² ПВЛ, с. 66; см. также: ПСРЛ. Т. XV («Тверской летописец»). М., 2000. Стб. 17.
- ²³ См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 35, 122.

-
- ²⁴ Головки А.Б. Христианизация восточнославянского общества и внешняя политика древней Руси в X – первой трети XIII века. «Вопросы истории», 1988. № 9. С. 61.
- ²⁵ Raffensperger Christian. *Kievan Rus' in the Medieval World*. Harvard Historical Studies, no. 177. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 2012, ch. V; см. рец. С. Франклина в «Slavic Review». Vol. 72, № 1. Spring, 2013. P. 119.
- ²⁶ Baumgarten N. de. *Saint Vladimir et la Conversion de la Russe*. «Orientalia Christiania». Vol. XXVII, - 1, № 79, Julio-augusto, 1932. Roma. Pp. 96-97.
- ²⁷ ПВЛ, с. 54.
- ²⁸ Там же, с. 55.
- ²⁹ Там же, с. 63.
- ³⁰ *Die Chronik des Thietmar von Merseburg*. Leipzig, 1939. S. 371-372; См. также: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей Польских. М., 1961. С. 36.
- ³¹ Головки А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев. 1988. С. 29. Рапов О.М., Ткаченко Н.Г. Русские известия Тимара Мерзебургского. Вестник МГУ, серия 8, история. 1980. № 3. С. 65, сн. 84.
- ³² ПВЛ, с. 52, 54.
- ³³ *Die Chronik des Thietmar von Merseburg*, S. 371
- ³⁴ *Ibid*; Галл Аноним, с. 36; ПВЛ, с. 63.
- ³⁵ Головки А.Б. Древняя Русь и Польша, с. 30.
- ³⁶ Гадло А.В. «Корсунские попы» на Руси (комментарий к летописной статье 6547 года). «Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова». СПб. 1996. С. 201.
- ³⁷ Гадло А.В. Указ соч., с. 201-203 и сл.
- ³⁸ См. Там же, с. 203.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. IX, с. 63- 64.
- ⁴⁰ Там же, с57, 64, 65.

⁴¹ ПВЛ, с. 66-67.